

Иллюстрации Хэблота Найта Брауна

ГЛАВА XXXI,

*которая целиком посвящена
юриспруденции и различным великим
знатокам, её изучившим*

В разных углах и закоулках Темпля разбросаны тёмные и грязные комнаты, где во время судебных вакаций можно видеть в течение целого утра — а во время сессий также и до вечера — почти непрерывный поток адвокатских клерков, входящих и выходящих со связками бумаг, торчащими под мышкой и из карманов. Есть несколько рангов адвокатских клерков. Есть клерк-учащийся, который платит за ученье и сам станет когда-нибудь поверенным, который имеет открытый счёт у портного, получает приглашения на вечеринки, знаком с одним семейством на Гауэр-стрит и с другим на Тэвисток-сквер; который уезжает из города на каникулы повидаться с отцом, имеющим всегда наготове лошадей; этот клерк является, короче говоря, аристократом среди клерков. Есть клерк на жалованье — живущий или приходящий, как случится, — который тратит бóльшую часть своих тридцати шиллингов в неделю на свои прихоти, ходит за полцены в театр Эдельфи* по крайней мере три раза в неделю, величественно развлекается после этого в погребках, где торгуют сидром, и является скверной карикатурой на моду, выдохшуюся полгода назад. Есть клерк-писец средних лет с большой семьёй, всегда оборванный и часто пьяный. И есть конторские мальчишки, впервые надевшие сюртуки, которые питают надлежащее презрение к школьникам и, расходясь вечером по домам, угощаются

* То есть после начала спектакля, часов около девяти, когда билеты продавались значительно дешевле; Эдельфи — театр, в котором главным образом ставились мелодрамы.

в складчину копчёной колбасой и портером, полагая, что это и есть «жизнь». Есть другие разновидности, слишком многочисленные, чтобы их перечислять, но, как бы многочисленны они ни были, всех этих клерков можно увидеть в определённые служебные часы, когда они торопливо входят в только что упомянутые места или покидают их.

В этих изолированных уголках помещаются официальные конторы адвокатов, где выдают судебные приказы, заверяют судебные решения, подшивают жалобы истцов и приводят в действие многие другие хитроумные приспособления, изобретённые для мук и терзаний подданных его величества и для утешения и обогащения слугителей закона. В большинстве случаев это низкие затхлые комнаты, где бесчисленные свитки пергамента, которые прели под спудом в течение прошлого века, распространяют приятный аромат, смешивающийся в дневное время с запахом тления, а в ночное — с различными испарениями, какие исходят от сырых плащей, мокрых зонтов и дрянных сальных свечей.

Вечером, около половины восьмого, дней через десять или недели через две после возвращения мистера Пиквика и его друзей в Лондон, в одну из этих контор торопливо вошёл человек в коричневом сюртуке с медными пуговицами. Концы его длинных волос были старательно закручены вверх и цеплялись за края потёртой шляпы, а запачканные тёмно-серые панталоны так туго натянуты на блюхеровские башмаки, что колени его грозили каждый момент вырваться наружу. Он извлёк из кармана сюртука длинную и узкую полосу пергамента, на которой дежурный чиновник поставил неразборчивый чёрный штемпель. Потом он вытащил четыре листка бумаги того же размера, составлявшие печатные копии пергамента с пробелами для фамилий, и, заполнив пробелы, спрятал все пять документов в карман и торопливо вышел.

Человек в коричневом сюртуке с каббалистическими документами в кармане был не кто иной, как наш старый знакомый — мистер Джексон из конторы Додсона и Фогга, Фрименс-Корт, Корнхилл.

Однако, вместо того чтобы вернуться в контору, откуда он пришёл, он направил свои стопы к Сан-Корту и, войдя в гостиницу «Джордж и ястреб», пожелал узнать, дома ли некий мистер Пиквик.

— Позовите слугу мистера Пиквика, Том, — сказала буфетчица «Джорджа и ястреба».

— Не трудитесь, — сказал мистер Джексон, — я пришёл по делу. Если вы мне покажете комнату мистера Пиквика, я и один дойду.

— Ваша фамилия, сэр? — спросил лакей.

— Джексон, — ответил клерк.

Лакей поднялся наверх, чтобы доложить о мистере Джексоне, но мистер Джексон избавил его от труда, последовав за ним по пятам и войдя в комнату раньше, чем тот успел издать членораздельный звук.

В этот день мистер Пиквик пригласил своих трёх друзей к обеду. Все сидели у камина и пили вино, когда мистер Джексон появился, как было описано выше.

— Здравствуйте, сэр, — сказал мистер Джексон, кивая мистеру Пиквику.

Сей джентльмен поклонился и казался слегка изумлённым, ибо физиономии мистера Джексона он не помнил.

— Я от Додсона и Фогга, — сказал мистер Джексон в виде пояснения.

Мистер Пиквик встрепнулся при этом имени.

— Обратитесь к моему поверенному, сэр, мистеру Перкеру в Грейз-Инне, — сказал он. — Проводите этого джентльмена, — обратился он к лакею.

— Прошу прощенья, мистер Пиквик, — сказал Джексон, спокойно кладя шляпу на пол и доставая из кармана кусок пергамента, — но в таких случаях вручение

через клерка или агента... вы понимаете, мистер Пиквик?.. Простая предосторожность, сэр, в соблюдении юридических форм. — Тут мистер Джексон бросил взгляд на пергамент и, положив руки на стол и озираясь с приятной и вкрадчивой улыбкой, сказал: — Послушайте, не будем спорить из-за такого пустяка. Джентльмены, кто из вас Снодграсс?

При этом вопросе мистер Снодграсс вздрогнул так заметно, что другого ответа не потребовалось.

— А-а-а... я так и думал, — сказал Джексон ещё любезнее. — Мне придётся слегка обеспокоить вас, сэр.

— Меня?! — воскликнул мистер Снодграсс.

— Это только повестка по делу Бардл против Пиквика со стороны истицы, — ответил Джексон, выбирая один из листков бумаги и доставая из жилетного кармана шиллинг. — Дело будет слушаться в самом начале сессии, четырнадцатого февраля, по нашему предположению. Мы признали это дело подлежащим специальному жюри*, и в списке значится только десять присяжных. Это вам, мистер Снодграсс.

С этими словами Джексон показал пергамент мистру Снодграссу и сунул ему в руку бумажку и шиллинг.

Мистер Тапмен следил за этой процедурой в безмолвном удивлении, как вдруг Джексон повернулся к нему и сказал:

— Если я не ошибаюсь, ваша фамилия Тапмен?

Мистер Тапмен взглянул на мистера Пиквика, но, не усмотрев в широко раскрытых глазах сего джентльмена совета отречься от своего имени, ответил:

— Да, моя фамилия Тапмен, сэр.

— Полагаю, вот этот другой джентльмен — мистер Уинкль? — сказал Джексон.

* То есть специальный состав присяжных по ряду гражданских дел, в отличие от обычного состава (в Англии ряд гражданских дел подсуден суду присяжных).

Мистер Уинкль пробормотал утвердительный ответ, и оба джентльмена немедленно получили от проворного мистера Джексона по листу бумаги и по шиллингу.

— Боюсь, — сказал Джексон, — что вы меня сочтёте довольно надоедливym, но мне нужен ещё кое-кто. У меня здесь значится имя Сэмюела Уэллера, мистер Пиквик.

— Пошлите сюда моего слугу, — сказал мистер Пиквик лакею.

Лакей удалился, чрезвычайно удивлённый, а мистер Пиквик предложил Джексону присесть.

Наступило тягостное молчание, которое в конце концов было нарушено ни в чём не повинным ответчиком.

— Полагаю, сэр, — сказал мистер Пиквик с негодованием, возраставшим по мере того, как он говорил, — полагаю, сэр, что намерения ваших патронов заключаются в том, чтобы попытаться меня обвинить на основании показаний моих же собственных друзей?

Мистер Джексон несколько раз похлопал указательным пальцем по левой стороне своего носа, давая понять, что здесь он находится не для того, чтобы открывать тайны тюремного двора, и шутливо ответил:

— Не знаю. Не могу сказать.

— Для чего же, сэр, — продолжал мистер Пиквик, — если не для этой цели, были вручены им эти повестки?

— Прекрасная уловка, мистер Пиквик, — отозвался Джексон, медленно покачивая головой, — но она ни к чему не приведёт. Попытайтесь, беды в этом нет, но из меня мало удастся вытянуть.

Тут мистер Джексон снова улыбнулся присутствующим и, приставив большой палец левой руки к кончику носа, правой рукой привёл в движение воображаемую кофейную мельницу, показав таким образом изящную пантомиму (в те времена очень популярную, но теперь, к сожалению, устаревшую), смысл коей был таков: «Меня не надуешь».

— Нет, мистер Пиквик, — сказал в заключение Джек-сон, — пусть у Перкера поломают головы над тем, для чего мы вручили эти повестки. Если не угадают, пусть подождут суда и тогда узнают.

Мистер Пиквик бросил на непрошеного гостя взгляд, выражавший крайнее омерзение, и, можно думать, обрушил бы страшные проклятья на голову мистеров Додсона и Фогга, если бы в этот момент его не остановило появление Сэма.

— Сэмюел Уэллер? — вопросительным тоном сказал мистер Джексон.

— Самые правдивые слова, какие вы произнесли за много лет, — ответил Сэм с величайшим спокойствием.

— Вот вам повестка, мистер Уэллер, — сказал Джексон.

— Что это значит? — осведомился Сэм.

— Вот оригинал, — продолжал Джексон, уклоняясь от требуемого объяснения.

— Где? — спросил Сэм.

— Вот! — ответил Джексон, потрясая пергаментом.

— О, так это оригинал? — сказал Сэм. — Ну, я очень рад, что видел оригинал, потому что это очень приятное зрелище, которое веселит душу человека.

— А вот шиллинг, — продолжал Джексон. — Это от Додсона и Фогга.

— Как мило со стороны Додсона и Фогга, которые так мало меня знают, а преподносят подарок! — сказал Сэм. — Иначе не могу рассматривать как большую любезность, сэр. Очень похвально, что они умеют вознаграждать добродетель, где бы её ни повстречали. И вдобавок от этого можно растрогаться.

С этими словами мистер Уэллер слегка потёр рукавом куртки веко правого глаза, следуя весьма похвальной манере актёров, изображающих семейные патетические сцены.

Мистер Джексон был как будто сбит с толку поведением Сэма, но так как повестку он вручил и больше ничего не имел сказать, то сделал вид, будто надевает единственную перчатку, которую обычно носил в руке ради соблюдения приличий, и вернулся в контору доложить о ходе дела.

В ту ночь мистер Пиквик спал плохо. Ему всё время вспоминалось весьма неприятное дело миссис Бардл. На следующее утро он позавтракал очень рано и, предложив Сэму сопровождать его, отправился к Грейз-Инн-сквер.

— Сэм, — оглядываясь, сказал мистер Пиквик, когда они дошли до конца Чипсайда.

— Сэр? — отозвался Сэм, подходя к своему хозяину.

— Куда идти?

— По Ньюгет-стрит.

Мистер Пиквик продолжал путь не сразу; он в течение нескольких секунд смотрел рассеянно в лицо Сэму и испустил глубокий вздох.

— Что случилось, сэр? — осведомился Сэм.

— Сэм, полагают, что это дело будет разбираться четырнадцатого числа будущего месяца, — произнёс мистер Пиквик.

— Замечательное совпадение, сэр, — отозвался Сэм.

— Чем оно замечательно, Сэм? — любопытствовал мистер Пиквик.

— Валентинов день*, сэр, — отвечал Сэм. — Весьма удачный день, день разбора дела о нарушении брачного обещания.

Улыбка мистера Уэллера не вызвала проблеска веселья на физиономии его хозяина. Мистер Пиквик круто повернул и продолжал путь молча.

* Валентинов день — 14 февраля, когда, по английскому обычаю, юноши избирают возлюбленных.

Они прошли несколько десятков шагов. Мистер Пиквик трусил впереди, погружённый в глубокие размышления, а сзади, изображая на своей физиономии самое завидное и непринуждённое пренебрежение ко всем и ко всему, следовал Сэм, как вдруг этот последний, всегда стремясь поделиться со своим хозяином исключительными познаниями, ускорил шаг, пока не очутился за спиной мистера Пиквика, и, указывая на дом, мимо которого они проходили, сказал:

— Очень недурная колбасная, сэр.

— Да, кажется, — отозвался мистер Пиквик.

— Знаменитая фабрика сосисок, — добавил Сэм.

— Вот как? — сказал мистер Пиквик.

— Вот как! — с некоторым негодованием повторил Сэм. — Ну ещё бы не так! Да благословит бог вашу невинную голову, сэр: ведь здесь четыре года назад произошло таинственное исчезновение почтенного торговца.

— Неужели вы хотите сказать, что с ним расправились по способу Бёрка*? — воскликнул мистер Пиквик, поспешно оглядываясь.

— Нет, не хочу, сэр, — ответил мистер Уэллер. — Хотя это было бы лучше. Но тут дело посерьёзнее. Он был хозяином этой вот лавки, сэр, и изобрёл патентованную паровую машину для непрерывного изготовления сосисок. Ну так вот, эта самая машина проглотила бы и булыжник, положи вы его близко, и перемолола бы в сосиски, как нежного младенца. Натурально, он гордился машиной и, бывало, простаивал в погребе, глядя на неё, когда она работала, пока не впадал от радости в меланхолию. Очень счастливым человеком был бы он, сэр, имея эту вот машину да ещё двух милых малюток в придачу, не будь у него жены, самой злющей ведьмы. Она всегда ходила за ним по пятам и жужжала ему

* Т.е. удушен (по имени преступника, продававшего трупы удушенных им жертв в анатомический театр).